

ИНТЕРВЬЮ С ГЕРОЕМ ВОВ СТАРШИНОЙ НИКОЛАЕМ ДМИТРИЕВИЧЕМ СЕЛЮТИНЫМ О РУССКО-ЯПОНСКОЙ И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Николай Селютин

О том, как пережил оккупацию Ставрополя, как попал на войну с Японией и многом другом ветеран ВОВ, 95-летний старшина стрелковой роты Николай Дмитриевич Селютин рассказал главному редактору «Время МСК» Екатерине Карачевой.

Перед Великой Отечественной войной

-- Родился я 15 декабря 1926 года в селе Красногвардейское Ставропольского края. У родителей нас было двое, кроме меня, еще старшая сестра. В мирное время, до войны, мы с сестрой ходили в школу, на речку, помогали матери на огороде, за скотиной присматривали.

В 1937-м в наш дома пришло несчастье, моего отца объявили «врагом народа». Отец был коммунистом, он вступил в партию в 1924 году, когда Ленин умер. Тогда был призыв – вступить в партию, вступил, был на хорошем счету, он был очень ответственный. В сентябре 37-го милиции дали список людей, которых надо было арестовать, мой отец тоже оказался в этом списке. Милиционер, который должен был арестовать отца, хорошо его знал, как и остальных из этого списка, арестовывать отказался и застрелился. Тогда за отцом приехали сотрудники НКВД, это было ночью. Дома провели обыск, ничего не нашли, отца забрали. Его тогда судил не народный суд, а так называемая «тройка», в которую входили начальник областного управления НКВД, секретарь обкома ВКП(б) и прокурор. Вот эти три человека и решали тогда судьбы людей.

Моего отца приговорили к 10 годам. Его отправили в лагерь села Каргополь Архангельской области (лесозаготовительный исправительно-трудовой лагерь Каргопольлаг – Ред.), там он валил лес. Мать ездила к нему туда в 38-м с еще одной женщиной, у нее тоже муж сидел. Напекли они обе пирогов, еще еды кое-какой взяли и поехали. Мама рассказывала, что все осужденные были худые, плакала, когда вспоминала. А в 39-м отец неожиданно вернулся домой, как мы все радовались, что он живой и невредимый.

Отец нам рассказал, что в лагерь приезжал член политбюро ЦК КПСС Шверник и всех сидельцев вызывал по одному в кабинет. Спрашивает отца: «За что сидишь?» Отец отвечает: «Не знаю». «А что на суде было?» «Сказали, что я – враг народа. А я – не враг». Шверник ему велел собираться. Отец быстро взял свои пожитки, ему деньги на дорогу выдали, документы об освобождении и отправили домой. Когда отец вернулся, его восстановили в партии, он устроился работать в колхоз. Так было хорошо, что все дома.

В 39-м мы, мальчишки и девчонки, внимательно слушали по радио (оно было не у всех, а у нас в доме было) новости о войне на Халхин-Голе (Советско-японский пограничный конфликт с 11 мая по 16 сентября 1939 г. – Ред.). Когда началась война с финнами (Советско-финляндская война с 30 ноября 1939 г. по 13 марта 1940 г. – Ред.), мы не пропускали ни одного слова. Была такая гордость, что наша Красная Армия – побеждает врага. Мы всегда считали, что наша армия – самая сильная и непобедимая. Поэтому мы с ребятами часто играли в войну, нашими героями были бойцы нашей армии. Взрослые нам все время говорили: «Не играйте в войну, накличете»...

Война

В 1941-м я закончил семь классов. Утро, 22 июня 41-го, было самое обычное. Я этот день до сих пор хорошо помню. Мы проснулись. Была ясная, теплая погода. Мы с мальчишками, как всегда, в 12 часов дня собирались на речку купаться. И вдруг по радио началось выступление министра иностранных дел Советского Союза, тогда наркомы были, Молотова Вячеслава Михайловича (народный комиссар иностранных дел СССР – Ред.). Он сказал, что на нашу страну напала фашистская Германия, началась война. Это известие сразу же разлетелось по

всему селу. Все заволновались, начались крики, женщины заплакали... На нашем спиртзаводе все село собралось, много говорили о том, что быстро разобьем этих фашистских гадов, все мужчины вернуться домой... Тогда никто не мог и подумать, что эта война затянется на долгих четыре года – 1418 страшных дней, погибнут миллионы ни в чем не повинных людей...

На следующий день, 23 июня, начался призыв, почти всех мужчин из села забрали. На войну ушли два моих дяди, оба погибли. Отца моего не взяли, ему тогда уже было за пятьдесят. Его чуть позже мобилизовали на военный завод, который эвакуировали в город Чапаевск Куйбышевской области (ныне Самарская область – Ред.), потому что был большим специалистом, выполнял слесарные работы на токарных станках. Там до конца войны и проработал на благо фронта и на Победу.

Мы каждый день буквально глотали слова диктора из репродуктора, ни одну сводку Совинформбюро не пропускали, слушали о ситуации на фронте. Все были удивлены, как так – наша самая сильная армия отступает, а немцы уже под Москвой... Мы, мальчишки, нам было по 14-15 лет, ходили в военкомат, просились на фронт, но нас не брали, говорили, что время еще не пришло. Когда в декабре 41-го наши войска перешли в наступление под Москвой, нашей радости не было предела, все обнимались, целовались. Знаете, это был такой подъем, вера в Красную Армию! Именно тогда мы и поняли, что бить фашиста можно, и мы – обязательно победим.

В 42-м немцы подступали к Ростову. Наши войска – отступали. Солдаты шли через наше село, были такие измученные, некоторые ранены, оборванные, голодные. Иногда они останавливались на ночевку, местные жители их кормили чем могли, в основном вареной картошкой, и они шли дальше на Кавказ. При отступлении солдаты подожгли единственное крупное предприятие у нас в селе – спиртзавод, чтобы немцам не достался.

Местные жители подсустились, и пока завод горел, удалось немного спирта натаскать. Таскали ведрами, потом в бочонки или бутылки разливали и прятали. Наша семья натаскала 100 литров спирта. У нас в огороде кусты были, мы там яму вырыли и закопали его. Этот спирт нас позже сильно выручил.

Оккупация

2 августа 1942-го к нам в село вступили немцы. Появилась комендатура, полиция, различные устрашающие приказы. Рядом с нами была тогда Калмыцкая АССР, там калмыки жили. Когда немцы пришли, калмыки перешли на их сторону.

Нас, молодых людей, пытались вербовать в Германию. Мы прятались, убегали. Я, к примеру, прятался у отцовой сестры, она тоже жила в нашем селе, только далеко от нашего дома. Тех, кого поймали, отправили куда-то, не знаю куда, слух ходил, что вроде на работы в Германию...

Немцы узнали, что у нас в селе был спиртзавод, наверное, им кто-то донес. Они ходили по хатам и требовали им выдать спирт. К нам тоже приходили. Мама им сказала, что спирта нет, только полбутылки и отдала им. Так они всю хату обыскали, забрали полбутылки и ушли.

При немцах страшно жилось, страх был повсюду. Они постоянно искали тех, кто устраивал у них в тылу диверсии, то поджог, то колеса машинам проколют... И каждый раз немцы устраивали облавы, но, к счастью, так никого и не поймали, а мы радовались, что у нас в тылу партизаны работают.

В начале января 43-го немцы засуетились, стали собирать свои пожитки, бежать под напором нашей армии. Мы смотрели на них с презрением и ненавистью, к нам они ворвались такими бравыми, а бежали в страхе и панике, да еще и закутанные в какие-то одежды местных жителей. И когда наша армия немцев гнать стала, калмыки вместе с ними отступали, грабили нас, забирали курей, поросят, все, что могли с собой увезти.

Освобождение

22 января 1943-го части Красной Армии вступили к нам в село. Это была такая радость, словами не передать. Наши солдаты были такие измученные, уставшие, мы их чем сможем покормим, чаем из трав напоим, они сразу засыпали, на утро уходили, а вечером на ночлег приходили другие. И так продолжалось, пока немцев за Ростов не отогнали...

Время было тяжелое. Тогда же жрать нечего было, колхоз наш был разграблен, дворы – разграблены. На рынке за бутылку спирта тогда давали пуд муки. Так мы и пустили в ход спирт, который спрятали в огороде. Меняли его на муку, мать пирожков напечет, так и выживали.

Пришла весна, весь колхоз – стар и млад – пошли работать, надо было пахать землю, сеять, приводить все в порядок. Дожили до осени, убрали хлеб вручную, тогда косами косили, ни тракторов, ни комбайнов не было.

Призыв в армию

А в октябре 43-го меня и всех моих сверстников призвали в военкомат. Там нас два месяца учили как правильно обращаться с винтовкой, автоматом, противогаз одевать, бросать гранаты, чтобы в руках не взрывались, а такие случаи были. Учили нас и тактическому ведению боя, да многому учили. Еще мы искали дезертиров, которые прятались, и не хотели на войну идти, Родину свою защищать.

В январе 44-го нас отправили в Ставрополь. С Красногвардейского района нас было много, все ехали в одном вагоне. В Ставрополе мы пробыли семь дней, там сформировали воинский эшелон со всего Ставропольского края и повезли. Куда нас везут, мы не знали. Привезли нас в

Сталинград.

Мы увидели, что весь город разрушен, ни одного целого дома не было, одни развалины. Мы когда уезжали из дома, матери каждому дали харчей в дорогу, сухарей побольше насушили, мы сначала своим питались. А в Сталинграде нас повели в столовую. Привели к каким-то дырам, оказалось – это подземные подвалы, в них столовая и была. Дали нам суп жидкий с крупой, кашу перловую, 200 гр хлеба и горячий чай. После обеда нас обратно стали выводить к эшелону. Мы выходить из этих дыр стали, а на выходе сотни ребятишек – мальчишек и девчонок – стоят и все хлеба просят. Голодные дети, понимаешь?

На это смотреть невозможно, как невозможно и забыть. Мы все бросились назад в столовую, собирали со стола все остатки еды, отдавали детям. А они, не жуя, просто проглатывали еду, страшно такое видеть. Знаешь, голодные дети, разрушенный Сталинград – все это в нас прям такую ненависть вызвало внутри, мы были готовы хоть прямо сейчас в бой идти и бить фашистов.

И нас повезли дальше, но не на Запад. Следующая остановка была в Чапаевске. Помнишь, я говорил, что мой отец на военный завод был мобилизован в этот город? Но я ему не мог никак сообщить, что буду проездом, я ведь не знал, так что мы не встретились. Командир сказал, чтобы мы в вагоне оставили ножи и вилки, и нас повели куда-то. Привели в небольшой лесок, там ящики со снарядами и минометами лежат. Мы их грузили целый день в большой состав. Ящик носили по двое, чтобы не уронить, мало ли что. Нас предупредили, что они незаряженные, но все равно осторожность соблюдали.

Дальше нас повезли в сторону Урала. В пути тоже были остановки. Однажды целый день грузили прессованное сено для лошадей на фронт. В Иркутске грузили оружие. Так добрались до Владивостока, а потом и до станции Бамбурово, это почти у восточной границы с Маньчжурией. Выгрузили нас из вагонов, построили и сказали разобрать в вагонах двухэтажные нары, на которых мы ехали. Снова построили и повели, дошли мы до небольшого военного поселка Одноречье, там размещался 3-й стрелковый полк 40-й стрелковой дивизии Дальневосточного фронта. Тут нам выдали военную форму, отправили в баню. Мы когда помылись, переоделись, друг друга не сразу узнали. В форме все одинаковые были. Месяц нас обучали, заодно задействовали в заготовке дров. А потом распределили по ротам, взводам, отделениям.

Служба на Дальнем Востоке

Я попал во 2-ю стрелковую роту, где из нас готовили разведчиков. Мы находились в шести километрах от границы с Маньчжурией, и японские диверсанты нередко пересекали нашу государственную границу. Поэтому нас часто поднимали по тревоге в поиске японцев.

В мае 1944-го я принял присягу, стал солдатом. А в сентябре стали отбирать грамотных ребят,

---

кто больше всего классов в школе окончил, для отправки в училище для младших командиров – сержантов. В их числе и я оказался, у меня было семь классов. В училище проучился полгода, был отличником учебы и мне присвоили звание – старшего сержанта, остальным дали сержантов. После учебки, в марте 45-го, меня направили в свою часть, где назначили помощником командира взвода. Война продолжалась, сколько мы ни просились на фронт, нас не пускали, велели учиться военному делу, совершенствоваться.

9 мая 1945-го война закончилась. В это время мы были на стрельбище. Прибегает посыльный, говорит, что всем срочно приказано вернуться в казармы. Мы прибежали. Весь полк построили и объявили, что закончилась война, Германия капитулировала, Победа. Ой, что тут началось... Мы все обнимались, радовались, конец войне. Перед нами выступили наши офицеры, а время уже было к обеду, и нам в обед преподнесли каждому по 100 грамм водки в честь такого великого праздника.

Служба продолжалась. В августе нас перевели еще ближе к китайской границе, почти два километра оставалось. Манчжурия тогда была оккупирована Японией, как и Корея. На границе мы рыли окопы, укрепляли сооружения.

Война с Японией

И вскоре нам объявили, что Советский Союз будет воевать с Японией. А 8 августа объявили, что в час ночи будем переходить границу. Каждому солдаты выдали винтовку или автомат, патроны, гранаты, штык-нож, сухпак на три дня. Нельзя было разжигать костры, необходимо соблюдать полную маскировку и тишину. Сидим, ждем команды в ночь на 9 августа. И тут меня вызывает командир роты и говорит, что переводят в другую роту – минометную, командиром расчета 82-миллиметровых минометов. А нас в учебке учили минометному делу, я его знал. Приказ – есть приказ. В моем подчинении оказались четыре бойца.

В 12 ночи полетели наши самолеты, воздух прямо гудел, и нам дали приказ – перейти китайскую границу. Местность там болотистая. Мы впятером до самого рассвета шли через болото с минометом, патронами к нему – каждый нес свою часть ноши. Утром мы вступили на твердую землю, которая была занята японцами. Никаких выстрелов, тишина. Стоят какие-то строения, похожие на казармы. Туда разведку послали, казармы пустые оказались, японцы сбежали. Но мы там поживились: они склады с питанием оставили, так мы взяли консервы, галеты – типа печенья, все в противогазы и вещмешки разложили. И тут командиры нам говорят: «Кто взял консервы, выбросить немедленно». Оказалось, японцы собак держат, чтобы из них консервы готовить, а мы-то русские – собак не едим. Выложили консервы, только галеты забрали, устроили небольшой привал, подкрепились.

Там местность такая – одни сопки. Идешь по дороге, а справа и слева – высоты, сопками называют. Мы прошли немного по дороге, слышим – выстрелы. Оказалось, что часть наших солдат вперед ушли, их там японцы, засевающие в этих самых сопках, обстреляли. Мы на

подмогу им поспешили, вступили в бой. Очень трудно биться, когда замаскированный на сопках сверху сидит враг, а мы снизу бьем его с открытой местности. Когда к нам на подмогу танки и бронетехника подошла, бой быстро закончился. Пару залпов, и японцы были разбиты. Мы стали дальше продвигаться.

Как оказалось, японцы были рассредоточены мелкими группами, и особенно они не сопротивлялись. Их называли камикадзе, смертниками по-нашему. Перед тем, как идти на войну, они дали присягу – совершить перед смертью подвиг. Как они действовали: окопаются возле дороги, замаскируются, притаятся, а ночью забросают наших солдат гранатами. Или наши солдаты вперед проходили, а они сзади выскакивали и резали их ножами. Мы, конечно, японцев поуничтожали. Так мы продолжали двигаться по территории Манчжурии.

Помню, брали мы один город. Форсируем реку, а японцы нас обстреливают. Но как только мы переправились на их сторону, по нам перестали стрелять. Видим, идет машина с белым флагом, офицер японский сказал нашему командованию, что они капитулируют. Мы тоже прекратили огонь. От них приняли капитуляцию. Вдруг выезжает бронепоезд и по нам началась стрельба, но наши бронебойщики их уничтожили. Вот это было страшно.

Наступление велось сразу с трех фронтов одновременно. Встретились все в Харбине. Сутки нам дали на отдых, привести себя в порядок. И вдруг нашу 25-ю армию разворачивают, говорят, что теперь будем двигаться на Северную Корею, освобождать от японцев. К тому времени к нам уже присоединился морской десант, переброшенный с Западного фронта, так что помощь пришла мощная. Мы быстро, в течение недели освободили Северную Корею. Взяли тогда около 5 тысяч пленных японских солдат.

Тогда мы не знали, что Сталин с Америкой договорился, что наша армия американцам будет помогать Корею освобождать от японских захватчиков. По условиям договора, американцы должны были занять Южную часть, а мы – Северную. А мы перешли, так называемую – 38-ю параллель, вошли в Сеул. Вместо американцев разгромили там большую группу японцев и приняли от них капитуляцию. И получилось, что, когда мы заняли 38-ю параллель – это целое ЧП, американцы начали возмущаться.

Всеми тремя фронтами командовал маршал Василевский (Александр Михайлович Василевский маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза – Ред.), а нашим первым Дальневосточным фронтом – Мерецков (Кирилл Афанасьевич Мерецков маршал Советского Союза, Герой Советского Союза – Ред.). Мерецкову доложили, что мы как бы нарушили соглашение с американцами, зайдя дальше в Корею. Он забеспокоился, заявил, что, если Сталин узнает, будет беда. О ЧП доложили Василевскому, он набрал Сталину, доложил о нарушении договоренности с американцами, попросил прощения. А Сталин ему говорит – чего забеспокоились, раз зашли, пусть побудут, пусть работают, раз союзники еще не подошли. И мы там простояли со 2 по 11 сентября 1945-го, пока туда американские войска не подошли, только тогда мы ушли с этой территории.

Холодная война

В городе Канко (ныне Хамхын – Ред.) были японские казармы, мы там все расчистили и расквартировались. Мою роту прикомандировали к контрразведке СМЕРШа. Интересная служба началась, мы ловили шпионов, они, как правило, отказывались давать показания. Потом нас перебросили в город Вонсан и поставили на охрану 38-й параллели со стороны СССР. Охраняли до 1948-го, потому что у корейцев тогда еще не было своей армии, она только формировалась. Когда их войска пришли нам на смену, мы ушли.

Япония, наш постоянный злейший враг, тогда капитулировала... Потому для меня и медаль «За победу над Японией» очень дорога.

Во время моей службы было много нарушений госграницы, особенно американцы этим отличались после 1946-го, когда Черчилль объявил Холодную войну. Граница была закрыта и усилена. Хотя до этого американцы к нам часто прибегали, покушаем с ними, выпьем. Всех нарушителей с американской стороны передавали назад после проведения переговоров.

Один раз случай был, два американца пришли через границу с оружием, сказали, что их недавно призвали на военную службу, а они никогда русских не видели и очень хотели посмотреть и пообщаться. Их в штаб армии отправили. Они там месяц пробыли, а потом их через нашу границу назад возвращали, меня в группу включили. Делегации должны были встретиться на пограничном знаке. Прежде, чем идти, мы разведку выслали, вдруг какая-то провокация, например, стрельбу начнут. Когда зачитали акт о передаче этих американских солдат, мы их передали, откуда-то взяли американские солдаты человек 200, похоже, они сидели в засаде. Выскочили, начали своих обнимать, вверх кидать, понесли их в машины, уехали. Делегация американская предложила с нами сфотографироваться, у них в армии было много бывших русских эмигрантов, которые служили в Канаде, хорошо говорили по-русски, они служили в американской армии в качестве переводчиков. Но наш офицер отказал, и мы ушли.

А когда была Олимпиада-2014, мне в Ставрополе доверили быть знаменосцем, форму выдали, у меня лежит на память. Едем мы в автобусе, много было американцев, и один американец ко мне подходит и говорит, что узнал меня. Оказывается, он был во время той передачи двух американских солдат на 38-й параллели. Сказал, что времена изменились, а когда-то мы были союзниками, поговорили с ним немного, повспоминали...

К счастью, с теми, с кем я призывался и служил, все живы остались после японской войны. Когда нам объявили о демобилизации, это был уже 50-й год, семь лет я в армии прослужил. Сначала рядовой состав уволили, а сержантский оставили, мы еще полгода служили, обучали новобранцев 1928 и 1929 годов рождения. И потом мы уже уехали. 7 ноября я вернулся домой.

Официальный сайт

Следственное управление
Следственного комитета Российской Федерации
по Ставропольскому краю

После войны

Погрузили нас в районе Владивостока в вагоны. Туда мы ехали в теплушках, а домой уже в настоящих вагонах хороших. Туда мы ехали больше 30 дней, а обратно за 15 добрались. Этой же дорогой ехали. Мы остановились в Сталинграде, и по сравнению с тем, что я видел в 43-м году, в 50-м – было все другое, было уже много восстановлено в городе. Это заслуга нашего народа, всей страной восстанавливали. На станции дома меня встретили мать и сестра. Привели они меня в квартиру, где жили, попозже отец пришел. Тут все заплакали, обнялись, ужас какой-то был, эмоции от этой встречи не могу передать словами. Мы сели за стол покушать, выпили по чарочке за мое возвращение, так я начал жить в Ново-Александровке, и с тех пор я уже больше 70 лет тут и живу.

Подходит Новый год – 51-й, нас же много демобилизовалось тогда, ходили мы с ребятами на танцы во Дворец культуры, который был в церкви, ее сломали позже. Я танцевать не умел, в армии – не учили этому ремеслу. Я с двумя ребятами пришел, а там три девушки стоят, подошли, поздоровались, пригласили на танец. Я хоть танцевать не умел, но пригласить-то надо. Молоденькая такая, симпатичная Оля, я сразу в нее влюбился. Проводил ее домой, договорились встретиться. Так мы до июня 51-го и провстречались. Я предложил пожениться. У нас родилось двое сыновей – Сережа и Александр, внуки и правнуки у нас. В 2006-м моя любима жена умерла...

Хочу сказать всем, кто будет читать мою историю: у вас у каждого есть дедушки, бабушки, они многое знают о том, что у нас проходило за последнее столетие. Они расскажут. Великая Отечественная война – это та самая тема, от которой нам нельзя уходить. Уже 77 лет Великой Победы над фашизмом. Надо все это помнить. Всегда помнить. Никак нельзя забывать.

Наши читатели не узнали бы историю героя войны Николая Дмитриевича Селютина, если бы не помощь Следственного комитета России в организации интервью.

Изображения

Официальный сайт
Следственное управление
Следственного комитета Российской Федерации
по Ставропольскому краю

Адрес страницы: <https://stavropol.sledcom.ru/Interview/item/1681949>